

проведенный Л. Широдем⁷, показал, что со времен «Нормандского завоевания» английский язык заимствовал из французского главным образом слова, образующие семантическое поле «социальная или светская жизнь». Это поле последовательно делится на классы (мода, театр, кухня, путешествия и т. д.), которые выступают как признаки социальной жизни и характеризуют определенный тип социальных отношений. Таким образом, заимствованные английским слова являются выразителем своего рода «французского образа жизни» в противоположность «британскому образу жизни».

Конечно, выводы названного автора можно было бы расценивать как субъективные, как имеющие ограниченное значение и справедливые лишь для двух рассмотренных языков, если бы они не находили подтверждения в результатах взаимодействия других языков. Во-первых, восприятие французской лексики русским языком, ее место в его лексической системе аналогично оценке ее в английском языке. В России влияние французского языка шло через салоны, и французская лексика здесь, так же как в английском, с самого начала являясь достоянием аристократии и дворянской интеллигенции, охватывала те же самые тематические группы. Во-вторых, свидетельства об устойчивой тенденции каждого языка отдавать лексике вполне определенного круга, о своеобразной семантической предпочтительности «обменного фонда», т. е. лексики, подлежащей заимствованию, повторяются и на материале других языков. Иными словами, заимствования детерминируются не только «извне», но и «изнутри».

Дж. Бонфанте, анализируя заимствования, сделанные итальянским языком на протяжении его длительных исторических контактов с готскими, лангобардскими и франкскими говорами, в общей оценке этих заимствований приходит к тому выводу, что германские языки обогатили итальянскую лексику большим количеством слов, выражающих грубые, свойственные варварам действия и характеризующихся зачастую яркой экспрессивной окраской: *trincare* — выпивать, *berciare* — орать, *ghermire* — хватать и т. п.⁸ Такая оценка в общем объяснима, поскольку взаимодействие указанных языков во времена Теодориха и Альбоина (V—VI вв. н. э.) выражалось в основном в форме устных контактов, почему и заимствования относились к коммуникативным ситуациям, предполагающим высокую степень экспрессивности — бытовой диалог, совместный труд, боевой конфликт, народное гуляние и веселье и т. п. Естественно, что при посредстве письменных источников происходят заимствования, относящиеся к другим ситуациям семейной, религиозной, общественной, государственной жизни.

С учетом сказанного становится понятной почти аналогичная оценка германских заимствований в другой работе, посвященной этимологическому и функционально-коммуникативному изучению семантического поля слов английского языка, обозначающих речь, говорение. По результатам этого исследования оказывается, что, во-первых, в плане обозначения социально-семиотических действий, как, впрочем, и в двух других основных сферах заимствований — терминах искусства и психической жизни, — устанавливаются постоянные однозначные соответствия между лексикой, заимствованной из одного языка-источника, и определенной тематической областью: германизмы (*betroth*, *dub*, *moot*) связаны преимущественно с обозначением просторечных форм семейной обрядности и нек. др., эллинизмы (*chiromancy*, *liturgy*) — гадательных действий и религиозных таинств, романизмы (*banquet*, *badinage*, *persiflage*) обозначают официальные речи на пиру и в собрании и т. д. Во-вторых же, в языке-реципиенте вскрывается тенденция к отчетливо выраженной и устойчивой эмоционально-экспрессивной оценке лексики из одного и того же языка-источника: германизмы в английском языке, представляющие самый древний пласт

⁷ *Chirold L. Les «mots français» et le mythe de la France en anglais contemporain. Thèse. Paris, «Klincksieck», 1973.*

⁸ *Bonfante G. Latini e Germani in Italia. Bologna, 1977, c. 48—52.*